

Юрий Белк ♦ Jake Desire

ЭРОТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

# Я уже внутри

*Он ближе, чем ты думаешь*

18+

Юрий Буреве  
**Я уже внутри**

«Автор»

2026

## **Буре́ве Ю.**

Я уже внутри / Ю. Буре́ве — «Автор», 2026

Он обещал убрать страх. Оставил дверь. Нейрохирург Лев Астахов переписывает травму так, будто её не было. Первая пациентка — Мира, взрослая дочь олигарха: после кораблекрушения она не может войти в воду. Сеанс удаётся. Она остаётся. Их близость врач записывает как контроль и не закрывает канал. Через год обычные люди города видят один сон. Ванная. Вода под дверью. Фраза без голоса: «Я уже внутри». Лев понимает, что не стёр память — открыл ход. Нечто учится их желанию и просит впустить. Мира больше не согласна быть ни пациенткой, ни дверью. Чтобы захлопнуть её, придётся отличить своё «да» от чужого. Всё остальное уже внутри.

© Буре́ве Ю., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Мост                     | 5  |
| Глава 2. Лента                    | 10 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 15 |

# Jake Desire, Юрий Буре́ве

## Я уже внутри

### Глава 1. Мост

— Прямо.

— Там мост, Мира Борисовна.

Она смотрела в его затылок. Короткий аккуратный ёжик, безупречный воротник, ни капли упрёка. Отец всегда умел подбирать людей, которые не задают вопросов, но чувствуют всё без слов и предугадывают, что нужно делать, наперёд.

— Я сказала: прямо.

Машина мягко тронулась. Река открылась не сразу. Сначала в лобовом стекле возникли чугунные перила, затем — серый маслянистый провал между ними. Ни пены, ни движения. Мёртвая молчаливая вода. На том берегу высились стандартные девятиэтажки, слепила аптечная вывеска с зелёным крестом, а на остановке кто-то жевал пирожок из бумажного пакета, глядя на город из-под шапки, которую придерживал двумя руками, — будто кто-то пытался её отнять.

Мира попыталась вдохнуть через открытое окно, но воздух был настолько чистым, что у неё закружилась голова.

— Разворачивай.

Водитель не стал переспрашивать. Плавное выкрутил руль у газетного киоска — аккуратно, без нервного сигнала клаксона, хотя рядом стояли люди. В зеркале заднего вида мост мелькнул на секунду — точно чужой кадр, снятый на настоящий фотоаппарат, не тот, что встроен в каждый телефон, — и исчез. Мира с трудом разжала пальцы, вцепившиеся в ручку двери, которую почти собралась открыть от страха воды.

Она чувствовала жар и холод одновременно.

Клиника располагалась в двух кварталах от набережной, в старинном особняке с зеркальными окнами. На табличке у входа — ни фамилий, ни громких названий. Только номер и короткое «Приём». Отец оплатил терапию, которая должна была спасти Миру от преследовавших её кошмаров.

В коридоре пахло не лекарствами и не хлоркой, а старым деревом и бумагами — как в закрытом архиве.

Мира долго мялась на месте, не решаясь переступить порог.

Огромное окно во всю стену стало главным украшением кабинета на втором этаже — настоящим порталом. Река внизу текла лениво, вальяжно, никуда не спеша. Её гладь казалась идеальной декорацией, созданной специально для этого вида: каждый взгляд находил в ней покой.

Мира села в глубокое кресло спиной к стеклу и почувствовала бёдрами холодную кожаную обивку — юбка едва их прикрывала.

Мужчина за рабочим столом встал не сразу. Сначала неторопливо изучил её, затем — открытую папку. И снова её, но уже иначе — без бумаги между ними.

— Лев Астахов, — произнёс он. — Вы можете не называть свою фамилию. Мне она без надобности.

— Тогда зачем она в папке?

— Чтобы ваш отец был уверен: я её прочёл.

Голос у него был низкий, абсолютно лишённый больничной патоки и сочувствия. И Мире стало легче именно от этого. Жалость всегда требует взаимности и благодарности. Он же ничего не просил.

— Вы избегаете смотреть в окно, — заметил он.

— Я смотрю на вас.

— Это тоже способ не смотреть на воду.

Она промолчала. Астахов листал папку не для чтения — так листает человек, давно выучивший текст наизусть и проверяющий, не добавилась ли за ночь случайная деталь.

— Катастрофа на катере. Вам было двадцать три. Четыре минуты под водой, если верить рапорту спасателей. С тех пор — душ только с приоткрытой дверью, ванну не набираете, мосты объезжаете. На палубу ни ногой — это очевидно. Но хуже другое: вы начали объезжать лужи. Верно?

— Отец сгущает краски.

— Отец платит. Сгущаете вы. Мне нужна реальная граница вашего страха — я хочу вам помочь.

По шее Миры волной прошёл жар. Не стыд — злость, а за ней странное, почти порочное облегчение. Он не собирался убаюкивать её утешениями. Он оценивал её так, как оценивают помещение перед капремонтом: где несущая стена, где трещина, а что можно снести до основания.

— Моя граница — река, — ровно ответила она. — Всё остальное я контролирую.

— Сегодня вы развернули машину за квартал до моста. Это уже не река. Это страх перед ожиданием реки.

— Он и это знает.

— Что?

Она поняла, что в этом кабинете лучше не болтать лишнего, и оттого подобралась, пересела на самый край кресла — чтобы успеть выбежать, если последует угроза.

За дверью прозвучали шаги: каблук стукнул дважды и затих. Лев даже бровью не повёл.

— Я не стану прописывать вам седативные и не буду учить дышать «по квадрату» по методикам разных шарлатанов. У вас точечный страх и безупречно чёткая память. Это редкая удача. Для вас — шанс. Для меня — работа, которую пора вынести за пределы теории.

— Вы всем пациентам так говорите?

— Я говорю так вам. С остальными я мягче. Им требуется, чтобы их погладили по головке до того, как начнётся вмешательство. Вам жалость только мешает.

Мира впервые перевела взгляд на его руки. Сухие, с длинными пальцами, уверенные. Без перстней и колец. Не руки утешителя. Руки хирурга, который точно знает, как и где резать, и убеждён в своём праве на боль, если в итоге шов получится чистым.

— Что именно вы сделаете?

— Введу вас в транс. Войду в ваше воспоминание о тех четырёх минутах. Не сотру их — я перепишу финал. Вода останется. Но дна больше не будет. Вы вынырнете. И завтра утром, если всё пройдёт штатно, вы сможете встать под душ, закрыть дверь и не проверять каждые пять секунд, не уходит ли пол из-под ног.

— А если всё пойдёт не так?

— Потеряете смежные воспоминания. Запах в каюте. Чьё-то лицо на палубе. За освобождение от страха иногда приходится платить именно так: он уходит не один.

Он произнёс это абсолютно ровно, без попытки сгладить углы. Мира медленно кивнула. Конкретная цена была ей куда понятнее туманных обещаний.

— Отец хочет отправить меня за границу через неделю.

— Ваш отец хочет красивое фото, где вы улыбаетесь на фоне набережной. Я хочу, чтобы вы дошли до этой набережной сами и не сбежали. Это два разных заказа. Я берусь за ваш.

В кабинете зависла тишина. Не профессиональная клиническая пауза, а другая — густая, осязаемая. В такой тишине отчётливо слышно, как человек напротив начинает дышать чуть реже, чем следует.

Лев поднялся, медленно обошёл стол и остановился совсем близко. Не касаясь. От окна за её спиной веяло железной прохладой, проникавшей даже сквозь отапливаемый воздух комнаты.

— Пульс, — сказал он. — Позвольте?

Она протянула руку ладонью вверх, как делают на обычных осмотрах, но тут же осознала: это не осмотр. Он взял её руку не двумя пальцами за запястье — он накрыл запястье всей ладонью. Большой палец лёг точно на пульсирующую жилу, остальные замкнули плотный браслет на её коже. Для подсчёта пульса достаточно касания. Он же держал.

Мира не попыталась выдернуть руку.

Его прикосновение ударило в виски и сбilo дыхание. Она, никогда не дававшая другим права на себя, вдруг осознала: хочет подчиниться. Это не влюблённость — это узнавание хищника. Он способен на грубость, на насилие, и именно это сделало её уязвимость сладкой. Она не отстранилась. Она позволила ему стать не врачом, а хозяином момента. Между ними возникла граница, которую они оба почувствовали, но ни один не переступил вслух.

— Частый, — тихо произнёс Лев.

— Я боюсь. А что частый?

— Сейчас вы боитесь не воды. Частый... пульс.

Лев в этот момент сам почувствовал себя юношей, который смотрит на идущую неподалёку девушку, с которой у него никогда не будет ничего общего.

Мира подняла глаза. Ему было далеко за сорок. Усталость проступала не столько в морщинах, сколько в том, как он не спешил выдать дежурную улыбку. Улыбка вернула бы этой сцене рамки приличия. Он этих рамок ей не дал.

— Если я соглашусь, — сказала она, не сводя взгляда, — вы будете в том воспоминании со мной. В воде.

— Да.

— И выйдете оттуда, когда захотите?

— Когда будет нужно.

— Это не одно и то же.

Его большой палец едва заметно сдвинулся, будто измерял не частоту ударов, а глубину её упрямства. Затем он медленно разжал пальцы.

Лев вернулся за стол. В нём что-то переменялось. Или он просто перестал скрывать, что этот случай интригует его куда сильнее прочих. Точечная фобия. Яркая память. Огромные деньги, за которые никто не спросит, почему врач остаётся в чужом сне дольше протокола. И красивая молодая женщина, которая не отвела глаз, когда он переступил границу допустимого.

— Завтра, — сказал он. — Натощак. Без отца и без шофёра в коридоре. Если перед мостом снова накроет — не геройствуйте. Разворачивайтесь и звоните. Я не работаю с теми, кого притащили на аркане.

— А с теми, кто пришёл сам, а потом не смог уйти?

Лев закрыл папку. Тихий шелчок замка прозвучал как выстрел.

— Таких я ещё не отпускал.

За окном с металлическим перезвоном прошёл трамвай — обычный, городской, безучастный. Мира поднялась. На долю секунды повернулась к окну. Река всё так же лежала внизу — серая, зажатая в гранит, потерявшая право давить ей на горло. Мира досмотрела до самых перил и отвернулась. Маленькая, пусть и иллюзорная победа: на воду можно смотреть, если за спиной стоит человек, обещающий победить этих внутренних драконов.

Это была другая река — та, поменьше, откуда они свернули, или та же, но у истока, Мира не знала точно, — но страх был даже сильнее.

У самой двери она замерла.

Он лишь кивнул. Ей понравилось, что он не стал настаивать на имени — так делают те, кто считает, будто согласие на процедуру автоматически покупает близость.

В коридоре уже пахло древесными опилками — тот же запах, но оттенки были другие. Внизу ждал автомобиль. Мира села на заднее сиденье и коротко бросила:

— В отель. Не через мост.

Машина тронулась. Мира прикоснулась большим пальцем к запястью — туда, где всё ещё теплился чужой след, — и не убирала руку до самого светофора.

Лев всё ещё стоял у закрытой двери, когда та бесшумно отворилась.

Нина Ремезова вошла не сразу. Застыла на пороге — в медицинском халате поверх обычного платья, с планшетом, прижатым к груди. Анестезиолог. Единственный человек в клинике, позволявший себе спорить с ним напрямую и не понижать тон к концу фразы.

— Я слышала про «завтра», — ровно сказала она. — Но протокола на рабочем столе я не вижу.

— Будет к ночи.

— Он будет до того, как ты скажешь пациентке «завтра». Иначе никакого «завтра» не случится.

Лев вернулся в кресло. Не предложил ей сесть. Нина и не ждала приглашения.

— Полная фиксация сеанса, — чеканя слова, произнесла она. — Никаких сжатых отчётов для её отца и никакой «избирательной памяти» для тебя лично. Каждый шаг. Время входа, время выхода, что изменено, что оставлено без вмешательства. Сон подаю я. Снимаю его тоже я. Нейроканал после сеанса закрывается в моём присутствии. Без твоего любимого «понаблюдаем сутки». Закрывается сразу. И никаких консультаций на дому. Никаких звонков после десяти, никаких визитов «проверить, как работает душ» и никакой реабилитации в её отеле. Если ей станет плохо — она приезжает в клинику. Если тебе станет любопытно — ты открываешь медкарту, а не её дверь.

— Ты говоришь так, будто я уже что-то нарушил.

— Я говорю так, потому что видела, как ты держал её за руку. Для измерения пульса хватает двух пальцев, Лев. Ты знаешь это лучше меня.

Он посмотрел на свои ладони. Сухие. Спокойные. На одной всё ещё сохранялось фантомное тепло её кожи — то, чего Нина видеть не могла. Но ей и не требовалось видеть.

— Это идеальный клинический случай, — холодно ответил он. — Чистая фобия, свежая память, никаких глупых вопросов от спонсора. Если мы с порога обставим всё так, будто я преступник, мы потеряем не просто пациентку. Мы потеряем метод.

— Метод — это то, что поддаётся стандартизации и закрывается по инструкции. Всё остальное — твои личные аппетиты.

Нина положила перед ним чистый бланк. Не из его стопки — свой, особый. Внизу чернели две незаполненные графы: «Канал закрыт» и «Выезды запрещены».

— Подпиши условия. Сейчас. При мне. Или завтра я просто не включу установку, и будешь сам объяснять её папочке, почему гений сегодня не в духе.

За окном снова звякнул трамвай. Лев взял ручку. Подпись легла на бумагу безупречно ровно, без нажима — точно шов, которым он так гордился.

— Протокол будет полным. Канал закроем сразу после сеанса. На дом не выезжаю. Довольна?

— Нет. Но этого хватит. Если ты не врешь.

— Я не вру.

Нина задержала на нём взгляд чуть дольше, чем допускала рабочая этика. Затем забрала копию бланка и вышла. Дверь за ней закрылась тихо, без хлопка. Эта тишина показалась Льву куда опаснее любого скандала.

Лев не раз пытался добиться её близости, но каждое его предложение — «пойдём в кафе», «останемся наедине» — заставляло её врасплох. Она не отказывала — просто не давала ему шанса. На третий раз он понял: она не для того, чтобы её усаживать за столик. Она была единственной в клинике, кто смел ему перечить. Даже крыть матом. Но так коротко и хлётко, что это звучало не как оскорбление, а как вызов.

Минуту он сидел недвижимо, не выпуская ручки. Формальное согласие лежало на бумаге. Но реальное решение было принято куда раньше — в тот миг, когда Мира не выдернула запястье из его ладони.

Он войдёт в её память. И выйдет из воды не тогда, когда нужно, — а тогда, когда захочет убедиться, что она помнит не реку, а его голос. Канал он закроет не до конца — оставит едва заметную нить. Тонкую, как волос. Для «контроля динамики» — так он напишет в журнале, если Нина станет докапываться. И он поедет к ней. Не завтра. Поедет тогда, когда она поймёт, что не может сама открыть кран в своей кабине. И это будет не врачебный осмотр. Это будет визит человека, которого она сама отказалась отпустить.

Он уже лгал. Чернила подписи даже не успели высохнуть.

Лев выключил верхний свет, оставив лишь узкий луч настольной лампы, и раскрыл журнал наблюдений. В графу «Пациент» он вписал не фамилию. Он вывел одно-единственное слово, на которое пока не имел никакого права... и тут же размашисто перечеркнул его чёрным.

Но под тёмной чертой слово всё равно читалось безошибочно.

## Глава 2. Лента

Утром лента лежала на стекле стола и совсем не выглядела как спасение.

Узкая, матовая, короче мизинца — ни тебе тяжёлого шлема, ни кресла с паутиной проводов, ни всего того, чем привыкли запугивать в вечерних новостях. Мира даже замерла на пороге, не понимая, на чём должен остановиться взгляд. Рядом пылились обычный планшет и белая чашка с остывшим, потемневшим чаем. За окном шёл мелкий липкий городской дождь, от которого река за стеклом казалась не водой, а густым незастывшим оловом.

— И это всё? — спросила она.

— Всё, что войдёт в вас, — отозвался Лев. — Остальное останется снаружи.

Нина стояла у двери, прижав к груди кожаный журнал наблюдений. Не вмешивалась. Слушала с той безупречной, ледяной чуткостью, с какой слушают приговор, который потом придётся сверить слово в слово.

Лев не стал надевать халат ради объяснений. На нём была вчерашняя рубашка с небрежно засученными рукавами — и те самые руки, чьи пальцы накануне держали её запястье гораздо дольше, чем требуется для подсчёта пульса.

— Вас усыпят. Не глубоко — не так, как перед полостной операцией. Ровно настолько, чтобы тело перестало мешать памяти. Лента ляжет на кожу прямо за ухом. Она не режет. Она просто слушает кору вашего мозга и немного ей отвечает. Я буду говорить с вами. Вы вернётесь в те четыре минуты. Вода, холод, глухая темнота и чужой крик — если он там вообще был. Я не буду ничего стирать. Стирание — это обман: мозг всё равно достроит дыру из собственного страха и назовёт её правдой. Я подменю вам финал. Вода останется. Но дна у неё больше не будет. Вы вынырнете не потому, что я вас уговорю, а потому, что так закончится ваша новая память.

— Голосом?

— Голосом. Прикосновением к ленте, если голоса окажется мало. Вы не увидите меня там, в воде. Но вы услышите, что выход есть, — и ваше тело поверит в это раньше, чем вы успеете включить разум.

Мира гипнотически смотрела на полоску на стекле. Та не отбрасывала бликов, не мерцала. В этой тихой простоте было что-то почти оскорбительное: вся её жизнь после катастрофы на яхте, все судорожные развороты перед мостом, все душевые кабины с настежь распахнутыми дверями — всё это должно было сдвинуться с места из-за пластикового кусочка, который легко потерять в кармане пальто.

— Я не верю в это, — тихо произнесла она.

— А вам и не нужно.

Нина медленно подняла глаза от журнала. Лев даже не подумал поправиться.

— Вера — слишком паршивый инструмент для работы. Мне нужно ваше согласие и абсолютная правдивость воспоминаний. Страх у вас узкий, точёный. Это удача. Широкий страх цепляется за весь день: за дневной свет, за чужие лица, за собственное имя. Ваш сидит исключительно в воде. Мы войдём туда и выберемся наружу. А утром вы наконец сможете закрыть за собой дверь.

Только сейчас Мира до конца поняла, зачем пришла. Ей требовалась простая, бесхитростная возможность: стоять одной в ванной, повернуть кран до упора, не звать никого на помощь и не оставлять в дверях щель, через которую можно сбежать. Перестать быть странной, за которой непрерывно присматривают только потому, что она сходит с ума от воды из обычного городского водопровода.

— Если дверь закроется... — прошептала она, — и я не позову, это и будет результат. Не мост. Не красивый отчёт для отца. А просто закрытая дверь.

Лев кивнул — скупое, точно она назвала правильный анатомический шов.

— Риски, — сухо напомнила Нина из своего угла. — Сейчас. При ней. Не после.

Он заговорил ровно, словно зачитывая список противопоказаний на аптечной упаковке:

— Можно потерять фрагмент, лежащий слишком близко к страху. Не сам ужас, а то, что оказалось с ним в одной минуте. Запах сырого дерева в каюте. Чью-то глупую шутку за секунду до удара волны. Лицо, которое вы вовсе не собирались забывать. Лента иногда вырывает кусок с мясом, потому что память не умеет хранить страх отдельно. Она хранит всю сцену целиком. Мы вынем дно. Но вместе с ним может уйти чья-то рука на перилах.

— Чья рука?

— Не знаю. Узнаете только вы — если вдруг хватитесь и не найдёте.

Мира попыталась вызвать из памяти того человека на палубе. Имя не всплыло. Это отозвалось внутри куда большим ужасом, чем обещание будущей потери: а что, если она уже отдала его? Просто так, за эти годы, без всяких медицинских лент?

— Пишите, — произнесла она. — Я согласна.

Нина бесшумно пододвинула журнал. Подпись Миры легла на плотную бумагу криво, дрожащей полосой. Подпись Льва — ровно, размашисто, уверенно. Нина расписалась последней, медленно выводя каждую петлю, и не стала закрывать страницу.

— Канал связи после сеанса закрывается в моём присутствии, — проговорила она вслух — не для Миры, а для стен этой комнаты. — На дом никто из персонала не выезжает. Если ночью станет плохо — звоните на пулэт клиники. Не ему лично. Понятно?

— Понятно, — сказала Мира.

Лев произнёс то же слово. На бумаге оно ложилось бы правдой. На губах — звучало явным неповиновением.

Нина вышла за стерильным комплектом. Дверь осталась слегка приоткрытой. За окном дождь дробно стучал в стекло — словно чьи-то торопливые, настойчивые пальцы, которым никто не собирался открывать.

Мира не стала понижать голос до шёпота:

— Вы сказали не всё.

— Я сказал достаточно, чтобы получить ваше согласие.

— Достаточно для журнала. А мне нужно то, из-за чего вы вчера так долго не отпускали моё запястье.

Он скользнул взглядом по приоткрытой двери. Нина шаг за шагом удалялась по коридору, но была всё ещё слишком близко, чтобы врать ей красивыми формулировками.

— Новая память держится только тогда, когда её есть к чему пришить, — произнёс он тихо, почти в самые губы. — Не к лозунгам. Не к дыхательным упражнениям. К человеку. К конкретному голосу, который звучал в самом конце. Если такой привязки нет, мозг к утру снова достроит привычное дно. Так честнее, чем написано в бумагах.

— И этой привязкой будете вы.

— Я буду голосом в вашей воде. Обычно этого хватает.

Он уже принял решение: обычного сценария не будет. И не потому, что этого требовал метод, — а потому, что вчера она не вырвала руку из его пальцев, и он счёл её реакцию материалом не хуже матовой ленты. Глубокая, тёмная привязка. Не сиделка, не отец, не обезличенный врач. Он сам. Чтобы новый финал не рассыпался в прах, ей придётся помнить не только выход из реки. Ей придётся помнить его. Так, как помнят единственное спасение.

Скажи он это сразу — и согласие звучало бы иначе. Она могла бы отказаться. Могла бы потребовать, чтобы этим голосом стал её собственный. Но он не оставил ей развилки. Сделал выбор за неё, прикрыв его несуществующим протоколом.

— Если я передумаю ночью, — спросила Мира, — сеанс отменяет?

— Да.

— А если я не передумаю... но всё равно не смогу заставить себя войти в воду? Даже здесь?

— Тогда мы не начнём. Я не тащу в реку тех, кто стоит на берегу и бьётся в истерике.

Вернулась Нина, и разговор мгновенно потерял смысл, так и не дозрев. Лев неторопливо отодвинул ленту от края стола.

День протёк без всякого героизма. Бесконечные анализы, яркий свет в зрачки, монотонные вопросы, на которые она отделялась короткими сухими ответами. Отец звонил дважды и каждый раз говорил не больше минуты.

К вечеру клиника затихла. Нина ушла последней из тех, кто имел право уходить, но перед дверью ещё раз показательно ткнула пальцем в строчку журнала: канал закрыт, выезды запрещены. Строка пустела. Завтра её заполнят. Но уже сейчас Мира смотрела на Льва как на человека, который привык ставить подпись намного раньше.

Ей выделили комнату на втором этаже. Узкая почти больничная кровать, графин с водой, тяжёлая штора, за которой не проглядывалась река — только глухой внутренний двор да чужое жёлтое окно кухни напротив.

Мира даже не пыталась лечь. В десять вечера написала сообщение. Не отцу.

«Не могу закрыть глаза. Не врачу. Вам».

Ответ прилетел мгновенно, будто он держал телефон в ладони, не гася экрана.

«Не закрывайте. Я у себя».

Она спустилась на первый этаж босиком, накинув тонкий халат поверх шёлкового платья. Коридор оглушительно пах мокрой древесиной и ночной пылью. В кабинете горела лишь одна настольная лампа. Лев даже не сделал вида, что занят бумагами. Он просто ждал.

— Мне нужно проверить, — выдохнула она прямо с порога. — До того, как вы влезете ко мне в голову. Если я не смогу переступить через это даже здесь... завтра вы откроете меня...

— Где? — коротко спросил он.

Она кивнула на неприметную дверь за книжным шкафом. Утром видела, как он выходил оттуда с мокрыми волосами, — обычный мужчина, без всякого мистического ореола. Душевая при кабинете. Его личная. Не палата, не смотровая, не то место, где Нина одобрила бы «наблюдение за пациентом».

— Это нарушение протокола, — спокойно сказал он.

— Вчера вы держали мою руку тоже не по протоколу. Откройте воду. Сама я не смогу повернуть кран.

Он обязан был отказать. Заставить её вернуться наверх. Его подпись в журнале лежала на два этажа ниже честности этого момента. Но Лев молча снял со стены ключ.

Душевая оказалась тесной, стиснутой белой плиткой. Одинокий крючок, чужое махровое полотенце, густой запах его мыла — терпкий, древесный, без малейшей примеси больничной дезинфекции. Смеситель блестел тяжёлым хромом.

Мира встала под лейку прямо в платье и халате — так стоят под первым проливным дождём, который ещё не набрал силу. Подняла руки. Пальцы коснулись холодного металла и мгновенно омертвели.

Четырём минутам адского страха не нужен океан — им вполне достаточно водопроводной трубы. Горло сжалось сухим судорожным комом — без истерики и всхлипов. Она просто физически не могла повернуть рычаг.

— Я здесь, — раздался тихий голос Льва за её спиной.

— Не трогайте меня. Только кран.

Он шагнул вперёд. Не прижался грудью, не обнял — но его близость обожгла спину. Длинная рука прошла совсем рядом с её щекой, чуть задев ворот халата, и накрыла смеситель поверх её заледеневших пальцев. Не вместо них. Сверху. Её ладонь осталась пленницей под его горячей ладонью.

Он с нажимом повернул рычаг.

Труба надрывно кашлянула, и сверху обрушилась плотная тёплая вода. Без плавного разогрева, без пощады — сразу по волосам, по лицу. Ткань платья мгновенно намочила, потемнела и прилипла к телу, выдавая очертания груди.

Вода была просто водой. Не рекой. Твёрдый кафельный пол под ногами не проваливался. Её кожа не знала этого чувства целых четыре года.

Он продолжал держать кран вместе с её рукой — чтобы она ни на миг не решила, будто струя существует только до тех пор, пока он разрешает. Его запястье касалось её щеки — раскалённое, куда горячее воды. Ей стоило чуть повернуть голову — всего на сантиметр — и касание стало бы поцелуем.

Обычный поцелуй был бы слишком прост и понятен. Поцелуй можно списать на слабость, на ночную ошибку, на то, что вычёркивают из памяти к утреннему чаю. Всё происходящее было страшнее. Она позволила ему стоять в тесной комнате, где её страх был полностью оголён, хотя на ней оставалась одежда. Мокрый шёлк не скрывал мелкой, неконтролируемой дрожи. Он видел взрослый, нескрываемый ужас женщины, которая не в силах справиться с обычным краном, — и не отвёл взгляда. Не превратил её слабость в банальную ласку. Оставил всё как есть.

Вода стекала по её губам. Мира осторожно слизнула каплю, проверяя: не солёная?

Пресная.

Нервный смешок вырвался из груди и тут же сломался.

— Завтра... — прошептала Мира, не оборачиваясь, — когда вы будете переписывать финал... не делайте вид, будто вы меня вытащили. Я сама. Слышите? Даже если голос будет вашим.

— Хорошо.

— И не говорите Нине про эту дверь.

— Не скажу.

Ещё одна ложь. Лёгкая, привычная, далеко не первая между ними.

Он сам перекрыл воду, потому что её пальцы снова отказались подчиняться — но теперь уже не от ужаса, а оттого, что под его ладонью им наконец-то дозволено было быть бессильными. Смеситель скрипнул. Наступившая тишина оказалась оглушительнее шума струи.

Лев снял с крючка полотенце, но не стал вытирать её. Просто протянул. Граница, которую он сам себе нарисовал и тут же преступил, осталась стоять в дверях — пока она судорожно прижимала сухую ткань к мокрой, вздымающейся груди поверх платья.

— Идите спать, — тихо произнёс он. — Утром лента. И никакой реки — пока я лично не разрешу.

Мира прошла мимо него — так близко, что их плечи соприкоснулись. Остановилась лишь в кабинете, где на прозрачном стекле всё так же невинно лежала матовая полоска.

— Если новая память должна держаться на вас, — проговорила она, не оборачиваясь, — то вы уже начали. Без всякой ленты.

Лев ничего не ответил. За его спиной, в темноте душевой, редкая тяжёлая капля с сочным звуком упала на кафель — точно, скрупулёзно, как подпись под документом, который некому проверить.

Он стоял, закрывая собой дверь, и смотрел на неё так, будто впервые увидел.

— Доктор? — её голос прозвучал хрипло, тонув в шуме льющейся воды.

Он не ответил. Он шагнул вперёд, прижимая её к стене. Ладонь сжала её талию так сильно, что стало больно. Мира должна была оттолкнуть его. Она должна была сказать что-то колючее, грубое, как делала это всегда. Но её тело отозвалось мгновенно — тяжёлым, сладким теплом внизу живота.

Он наклонился, его губы коснулись её мочки уха, и Мира почувствовала его дыхание — горячее, сбившееся.

— Ты не уйдёшь, — прошептал он. И это не было вопросом.

Его руки уже двигались с молниеносной скоростью. Он не стал снимать с неё одежду полностью — её рубашка и брюки, его собственная сорочка остались на месте. Ему нужно было только одно. Он грубо, почти насильно, дёрнул за пояс её трусов.

Это было чёрное шёлковое бельё — тонкое, почти невесомое, с кружевом по краю. Оно казалось неуместным в этом стерильном, казённом месте, но именно этот контраст сводил с ума. Шёлк, обтягивающий её бёдра, казался ледяным на фоне его горячих ладоней.

Он спустил бельё до колен, не снимая до конца, оставляя её уязвимой.

Когда он вошёл в неё, Мира вскрикнула, но шум воды сразу заглушил звук. Это было быстро, грубо, без прелюдии. Он держал её так, будто боялся, что она исчезнет, если ослабит хватку. Его тело было напряжено, как струна, и каждое движение говорило о том, что он не щадит себя.

Вода лилась где-то рядом, смывая с них пот, но им было всё равно. Здесь, среди кафельных стен, где каждый момент мог быть прерван стуком в дверь, они делали то, что нельзя. Запретное.

Мира вцепилась в его плечи, чувствуя, как его рубашка намокает от её пота. Он бился в ней, теряя контроль, превращаясь из врача в животное. И в этом хаосе, в этом запахе чужого пота и воды, она впервые почувствовала себя по-настоящему живой.

Когда волна накрыла её, он уткнулся лицом в её шею, и Мира поняла: он больше не врач. И она больше не пациентка.

Миру качало, когда она пыталась рассмотреть узоры на кафеле, но не могла найти опору — зацепиться было не за что.

Вместо воды она видела поток воспоминаний о том, как занималась сексом с разными мужчинами, и никак не могла выбрать лучшего из них.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.